

УДК 300-399-32

ИТОГИ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ВЫБОРОВ 2010 г. И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ Б. ОБАМЫ

© 2011 г. **Н.М. Травкина***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматриваются итоги промежуточных выборов 2010 г. анализируются причины поражения демократов, в результате которого политическая ситуация в США сегодня характеризуется разделённым правлением и крайней партийной и идеологической поляризацией. Эти факторы и будут оказывать доминирующее влияние на внутреннюю политику и внешнеполитический курс страны в ближайшие два года.

Ключевые слова: *промежуточные выборы, баланс сил, республиканское большинство, партийная поляризация, президент, Конгресс, «Чайная партия».*

Результаты промежуточных выборов, состоявшихся в США 2 ноября 2010 г., на которых демократы уступили позиции своим политическим оппонентам, были предсказуемы. Во-первых, потому, что внутривнутриполитическую повестку дня все два года правления демократов определяли экономический кризис и высокая безработица, достигшая к началу избирательной кампании почти 10%. Во-вторых, согласно «маятниковой» логике функционирования американской политической системы, на промежуточных выборах партия, получившая контроль над обеими ветвями власти в ходе президентских выборов, как правило, теряет своё представительство, т.е. происходит определённая корректировка в расстановке политических сил.

Сухие статистические итоги

На промежуточных выборах 2010 г. переизбирался весь состав Палаты представителей – 435 законодателей, немногим более трети сенаторов – 37 человек и 37 губернаторов, а также проходили выборы в законодательные собрания штатов.

В *Сенате* 34 человека избирались на полный шестилетний срок и трое – от штатов Делавэр, Нью-Йорк и Западная Вирджиния – участвовали в специальных выборах, или довыборах, на более короткие сроки на места выбывших по разным причинам сенаторов. Например, 19 января 2010 г. прошли досрочные специальные выборы в Сенат на срок до 2012 г. от штата Массачусетс на

* ТРАВКИНА Наталья Михайловна – доктор политических наук, руководитель Центра внутривнутриполитических исследований ИСКРАН. E-mail uspolitica@gmail.ru

место, которое занимал ушедший из жизни сенатор-демократ Э. Кеннеди. И, как известно, результаты оказались драматичными для демократов; победу одержал республиканец Дж. Браун, и они лишились большинства в 60 голосов, которым располагали по итогам выборов 2008 г. Из 37 сенаторов, подлежащих переизбранию, 19 были демократы – 7 из них решили больше не переизбираться или отсеялись в ходе праймериз и 18 – республиканцы (8 из которых не участвовали в выборах по тем же причинам).

Расстановка партийных сил в Сенате непосредственно перед выборами 2010 г. выглядела так: 57 мест принадлежало демократам, 41 – республиканцам и 2 места – независимым, которые блокировались с демократами. В результате выборов республиканцы победили двух демократов-старожилов (Б. Линкольна от Арканзаса и Р. Фейнгольда от Висконсина) и завоевали 4 вакантных места от штатов Иллинойс, Индиана, Северная Дакота и Пенсильвания [22]. В итоге, республиканцы получили в Сенате дополнительно 6 мест, и это составило самое большое количество мест, которое им удалось завоевать в этой палате после выборов 1994 г. и впервые за этот же период им удалось не потерять ни одного своего поста.

В настоящее время расстановка сил в Сенате после выборов такова: 51 голос – у демократов, 46 – у республиканцев и 3 – у независимых, блокирующихся с демократами [23]. Таким образом, демократы потеряли преимущество в своём представительстве, что давало им возможность проведения объявленных президентом реформ и начинаний практически только силами своей партии, подавляя любые формы оппозиции, включая и флибустьерство, со стороны своих политических оппонентов.

В *Палате представителей* республиканцы отыграли у демократов 63 места, восстановив свой контроль над ней, который они потеряли ещё в 2006 г. на промежуточных выборах. Этот показатель считается самым лучшим результатом, который демонстрировала какая-либо из партий на выборах начиная с 1948 г., и самым высоким – на промежуточных выборах с 1938 г. Потери демократов, даже с учётом таких факторов, как высокая безработица и кризисное состояние экономики, оказались в целом выше, чем средние аналогичные показатели. В 2008 г., на волне популярности Б. Обамы, демократы отвоевали у республиканцев 21 место в Палате представителей [11] и 30 мест на промежуточных выборах 2006 г., когда аналитики заговорили о том, что политический маятник качнулся в сторону демократов [15].

Симптоматично, что республиканцам удалось одержать сокрушительную победу над консервативными, или так называемыми фискальными демократами, которых также иногда называют республиканскими демократами, или *blue dogs*. Эти законодатели – сторонники жёсткой бюджетной экономии и низких уровней налогообложения. Республиканцы отобрали у них половину из 50 мест, на которые те переизбирались. Среди проигравших оказалась одна из руководителей консервативно-демократической коалиции – Стефани Сэндли из Южной Дакоты (она проиграла республиканке Кристи Ноэм) и Юджин Тэйлор – демократ от одного из округов штата Миссисипи с более чем 20-летним стажем, также уступивший своё место республиканцу. Кстати во

время выборов он особый упор делал на то, что был сторонником Дж. Маккейна, однако это ему не помогло. Казавшиеся «безопасными» места должителей Капитолийского холма – законодателей-демократов также отошли к республиканцам, равно как и ряд влиятельных постов председателей комитетов, в том числе и бюджетного (его возглавлял Дж. Спратт – демократ с 28-летним стажем) [10].

Более половины мест консервативных демократов получили республиканцы, которые открыто солидаризировались с «Чайной партией» по вопросу пролонгации налоговой реформы Дж. Буша-мл. По подсчётам агентства Ассошиейтед пресс, «Чайная партия» провела под республиканскими знамёнами порядка 30 своих кандидатов, что объясняется стратегическим просчётом демократов – нечёткой позицией, которую они и Б. Обама заняли в отношении пролонгации закона «О налоговых сокращениях» (его инициатором был Дж. Буш-мл.), срок которого истекал 31 декабря 2010 г. [10; 16]. Однако меняющаяся база той части электората, которая привела в Конгресс эту когорту республиканцев, делает перспективы их переизбрания на выборах 2012 г. крайне неопределёнными.

Бюджетные мотивы значительно преобладали в прошедшей избирательной кампании. Например, под антикоррупционными лозунгами, ставшими основой для требований о необходимости сократить федеральные расходы, в Палату пришли десятки республиканских законодателей, пообещавшие покончить с практикой выделения средств из федерального бюджета на специальные проекты в их собственные округа (так называемые *pork barrel*). Похоже, что идеологический компонент прошедших выборов 2010 г. значительно усилил их иррациональную составляющую, так как в данном случае возникает риторический вопрос – как они собираются переизбираться, лишив свои округа бюджетных средств, ради получения которых, как нередко считается в США, и выбираются конгрессмены?

Республиканцам, у которых в прошлом созыве в Палате представителей было 179 мест, чтобы получить большинство требовалось набрать 39 голосов. Этот план они с лихвой перевыполнили. В настоящее время расстановка сил выглядит так: 242 места – у республиканцев и 193 – у демократов [23].

Таким образом, шансы на проведение важных инициатив демократы потеряли также и в Палате представителей, к этому следует добавить, что не имея там более большинства, они лишились и поста спикера. И это очень существенно, учитывая тот факт, что бывший спикер Н. Пелоси была верной сподвижницей президента Обамы, его правой рукой и, по сути, главным проводником его политики на Капитолийском холме. Ядовитые стрелы, которые оппозиция не жалела пускать в адрес Б. Обамы, в равной степени предназначались и ей. Наряду с такой потерей, демократы лишились и постов председателей комитетов, и всё это в совокупности существенно ухудшило законодательные позиции администрации и лично президента на период до президентских выборов в 2012 году.

На **губернаторских выборах** республиканцам также удалось существенно потеснить демократов: если до выборов соотношение демократов и республи-

канцев выглядело как 26 : 24, то в настоящее время за демократами – 20 губернаторских постов, один губернатор тяготеет к демократам и 29 постов у республиканцев [23]. Иначе говоря, это поле политической борьбы стало преимущественно красным – именно этот цвет символизирует Республиканскую партию.

За республиканцами сегодня 680 мест в легислатурах штатов, что является самым большим представительством одной партии на местном уровне власти в современной истории США [5].

Совокупный итог прошедших промежуточных выборов, который предопределяет политические перспективы для администрации Обамы на ближайшие два года, выглядит следующим образом: президент больше не может рассчитывать на абсолютное демократическое большинство ни в Палате представителей, ни в Сенате при продвижении своих инициатив. Республиканцы получили возможность блокировать все законодательные проекты администрации и одновременно продвигать свою повестку дня в плане сокращения расходов, сохранения на низком уровне ставок налогообложения, финансового обескровливания ненавистной для них реформы здравоохранения. Всё это вместе взятое создаёт в высшей степени конфликтную и крайне поляризованную политическую ситуацию вместо межпартийного мира и сотрудничества, которые декларировал в качестве своей цели Б. Обама, будучи кандидатом в президенты. Лозунг его избирательной кампании был: «Нет ни синих штатов, ни красных штатов, есть только Соединённые Штаты Америки» [13].

Для истории – лицо, для президента – гримасы

У промежуточных выборов 2010 г. своё историческое лицо и свои особенности. Это переход Палаты представителей в руки республиканцев и сведение к минимуму преимущества демократов в Сенате; рост влияния антиправительственного правоконсервативного движения «Чайная партия». По существу, третьи подряд выборы самым радикальным образом меняют баланс политических сил в Вашингтоне, и такое развитие событий за последние полвека отмечается в политической жизни США впервые. На последние выборы пришёл голосовать более консервативный избиратель: если в 2006 и 2008 гг. трое из 10 избирателей, или 32%, причисляли себя к консерваторам, то на последних выборах – уже четверо из 10, или 42%, объявили себя консерваторами. Иначе говоря, количество консервативных избирателей увеличилось на треть, и это самый большой процент консерваторов, зафиксированный за последние два десятилетия [6]. Таким образом, либеральная тенденция, мощно набравшая обороты четыре года назад (что позволило многим аналитикам говорить о существенном полевении политического спектра американского общества), не закрепилась, и начался её откат.

На прошедших выборах впервые в послевоенной истории сразу три латиноамериканских кандидата, причём все от Республиканской партии, одержали победу в борьбе за высокие государственные посты. В штате Нью-Мексико в губернаторы прошла латиноамериканка Сюзана Мартинес; в штате Невада латиноамериканец Бриан Сандоваль также занял губернаторский пост. Место

сенатора от штата Флорида получил Марко Рубио, выдвиженец «Чайной партии», который, однако, шёл как независимый кандидат и победил республиканца Чарли Криста. В целом это в немалой степени есть отражение серьёзных демографических сдвигов, которые всё в большей степени определяют изменение этнического ландшафта современной Америки [3] (латиноамериканцы – наиболее динамично растущая этническая группа избирателей: в 2006 г. она составляла 8,6% избирательного корпуса, а в 2010 г. – уже более 9%, или 19 млн. человек) [20]. Как следствие этих процессов растёт политическая активность цветного населения [1].

Широкая коалиция Б. Обамы, помогавшая ему стать президентом и на упрочение позиций которой делал ставку президент, не выдержала испытания. Коалиция из независимых, женщин, молодёжи, рабочих, поддерживавшая его два года назад, по существу, развалилась – часть переметнулась к республиканцам, а часть вообще не стала участвовать в выборах.

Согласно данным опросов, на выборах 2010 г., за республиканцев проголосовало независимых на 19% больше, чем за демократов. Четыре года назад, когда как раз и была отмечена тенденция роста демократического электората, независимые с разницей в 18% поддерживали демократов. В 2010 г. сдвиг составил 37%, т.е. произошло резкое изменение в симпатиях независимых избирателей в пользу республиканцев. Как свидетельствуют результаты опросов, независимые голосовали против экономической политики администрации Обамы [6]. Вместе с тем, отмеченные изменения в симпатиях независимого электората – отражение фундаментальной тенденции, наблюдаемой на протяжении двух десятилетий. Речь идёт о том, что в этот период происходило постепенное сокращение числа умеренных избирателей – 43% в 1992 г., 38% в 2006 г. и 35% к 2010 г. и одновременно увеличивалось число консерваторов – 36, 37% и 42% соответственно [8].

Женщины – традиционные сторонники демократов. Впервые за последние 30 лет они голосовали почти поровну за республиканцев и демократов (51% и 49% соответственно). Два года назад они поддерживали демократов с перевесом в 16% голосов. Как подытожили демократические интервьюеры, «женщины почувствовали, что политика Б. Обамы направлена в большей степени на поддержку банков и Уолл-стрит, нежели их семей и их продовольственной корзины. В результате мы получили обозленных и восставших мужчин и разочарованных женщин» [16]. 57% мужчин поддерживали республиканцев на последних выборах – это на 20% больше, чем в 2008 году [21].

Пожилое население оказалось наиболее скептически настроено по отношению к реформе здравоохранения, и его симпатии заметно качнулись в сторону республиканцев. Те, кому 65 и больше, разделились поровну между двумя партиями в 2008 г., однако на выборах 2010 г., они с перевесом в 20 процентных пунктов отдали свои голоса республиканцам – в соотношении 58 : 42 [21]. При этом следует иметь в виду, что два года назад эта группа электората составляла 16% населения, теперь их доля увеличилась до 25%. В 2010 г. явка пожилого населения и консервативных избирателей на 3% превысила показатели предыдущих выборов [16].

Американский средний класс, на который в своё время особую ставку делал Б. Обама, также развернулся к республиканцам. Семьи с доходами от 50 до 75 тыс. долл., на выборах 2008 г. поддержавшие демократов с разницей в 5% голосов, в этот раз на 6% больше голосов отдали республиканцам [16]. Однако самое большое падение популярности демократов за эти два года произошло среди избирателей с низкими доходами (менее 30 тыс. долл. в год) – на 22%. На прошедших выборах 57% этих людей отдали свои голоса демократам [21].

Люди с высшим образованием в 2008 г. оказали предпочтение демократам с перевесом в 12% голосов, однако на последних выборах эта разница сократилась до 4%. В настоящее время демократы очень популярны среди лиц с неполным средним образованием – 61%, хотя и здесь произошли потери по сравнению с предыдущими выборами на 16% [21].

Демократы продолжают пользоваться поддержкой среди *молодежи* – в возрастной группе до 30 лет, которая также входила в коалицию Б. Обамы два года назад. На прошедших выборах на 16% больше молодых людей проголосовало за демократов, чем за республиканцев (в соотношении 58 : 42), однако по сравнению с президентскими выборами 2008 г. их поддержало на 14% меньше избирателей. Аналогичная картина наблюдалась и в следующей возрастной группе – до 44 лет, в которой поддержка демократов сократилась тоже на 14%, составив 48% голосов. Среди людей среднего возраста – до 64 лет – их поддержало на 12% меньше голосующих, т.е. 46% избирателей [21].

Однако многие впервые голосующие молодые избиратели, среди которых особо активную группу в 2008 г. составили африканцы и выходцы из Латинской Америки, вообще не пошли голосовать. Из тех, кто всё-таки пришёл на выборы, 51% отдал свои голоса демократам и 49% – республиканцам. Молодые избиратели в возрасте до 30 лет на президентских выборах 2008 г. составили 18% голосовавших, на последних промежуточных выборах – только 11% [16].

Демократическая партия сохранила поддержку *цветного населения*, хотя она и сократилась во всех их группах: среди афроамериканцев на 9%, т.е. 91% проголосовал за демократов; на 8% среди латиноамериканцев – 66% поддержало демократов и 34% – республиканцев [21]. В 2006 г. это соотношение составляло 69 и 30% соответственно, а в 2008 г. 67% голосовало за Б. Обаму и 31% – за Дж. Маккейна [7]. На 16% меньше избирателей азиатского происхождения поддержало демократов. На прошедших выборах они проголосовали за демократов в соотношении 59 : 41 [21].

Географически демократы потеряли Юг, пригороды мегаполисов и промышленные штаты Среднего Запада и района Великих озёр – от Пенсильвании до Миннесоты. Эти штаты считаются колеблющимися, завоёванными демократами во время великого триумфа Б. Обамы. Они сильно пострадали от первых ударов мирового финансово-экономического кризиса. Можно утверждать, что республиканцы победили в округах с неустойчивыми партийными предпочтениями, однако не смогли завоевать традиционные демократические штаты и округа Северо-Востока.

«It's economy, stupid!» **Но не только**

Оценивая итоги выборов, подавляющая часть экспертов объясняет неудачи демократов неудовлетворительным состоянием экономики и нелёгкой ситуацией с безработицей, которая накануне выборов достигла 15 млн. человек. Согласно результатам опросов общественного мнения, шесть из десяти респондентов назвали положение с экономикой самым важным вопросом, стоящим перед страной, который задевает их лично. Четверо из десяти заявили, что их семьи испытывают большие финансовые трудности, чем два года назад, и один из трёх заявил, что кто-то в его семье потерял работу. Иными словами, сбылись предсказания американских политологов, сделанные ещё в начале 2009 г. о том, что Б. Обаме суждено войти в историю исключительно как президенту рецессии со всеми вытекающими политическими последствиями.

В пассив администрации была занесена крайне высокая обеспокоенность общества по поводу колоссальных бюджетных дефицитов, составивших в 2010 фин. г. (окончившемся 30 сентября) 1,3 трлн. долл., или почти 9% ВВП. Это логично – ведь целое поколение американцев выросло с пониманием того, что дефицит бюджета – это плохо не только для бюджета, но и для экономики. Подобно урагану «Катрина», который нанёс большой ущерб репутации Дж. Буша-мл., катастрофа на буровой платформе, принадлежащей британской ТНК «ВР», 20 апреля 2010 г., из-за которой пострадала экономика Луизианы и Миссисипи, жирным несмываемым пятном покрыла администрацию Обамы. Обладая всеми рычагами управления, она так ничего и не смогла сделать для ликвидации последствий аварии. В результате в этих штатах и Техасе демократы потеряли в совокупности 10 мест.

Как показывают опросы, в американском обществе есть большое непонимание и неприятие реформ, проводимых администрацией Обамы, в частности реформы здравоохранения. Согласно результатам опросов, проведённых Службой Гэллага, накануне выборов 2010 г. 56% респондентов выступали против реформы здравоохранения в варианте, предложенном администрацией Обамы, и 39% её поддерживали [14].

Если расположить показатели озабоченности американцев проблемами внутренней политики, то они выглядят следующим образом: 67% испытывают обеспокоенность относительно масштабов бюджетного дефицита, 64% – падением уровня жизни, 64% – состоянием пенсионного обеспечения, 63% – уровнем безработицы, 58% – увеличивающимся разрывом в уровнях доходов богатых и бедных, 55% – падением конкурентоспособности страны, 51% – коррупцией в рамках программы «Медикэр», 47% – состоянием системы здравоохранения, 44% – состоянием системы государственного образования, 42% – нелегальной иммиграцией, 25% – международным терроризмом и 23% озабочены состоянием окружающей среды [12].

Несмотря на убедительность этих аргументов, возникает законный вопрос: почему очевидные заслуги чрезвычайно активной администрации Обамы, такие как финансовая реформа Уолл-стрит и масштабный План стимулирования экономики и реинвестиций, реформа здравоохранения и увеличение фи-

нансирования системы образования, не принесли политических дивидендов ни ему, ни его партии?

В перечне причин провала демократов на выборах, которые справедливо могут рассматриваться как не в полной мере зависящие от их планов и программ, особое место занимает ряд субъективных факторов, которые трудно списать на стечение обстоятельств или глобальный кризис. Речь, прежде всего, идёт о политических просчётах и ошибках самой администрации и лично президента Обамы, которые в значительной степени вызвали к жизни политические процессы, в конечном счёте обернувшиеся победой республиканцев.

И в этом плане, прежде всего, можно говорить о трансформации института президентской власти, которую осуществил Б. Обама. Парадигма функционирования американской политической системы выглядит просто: пришедшие в Белый дом в результате выборов политики принимают и реализуют свою программу действий и через 2–4 года выносят на суд избирателей результаты своей работы. Эта парадигма, по существу, была сломана Б. Обамой. Он привнёс новый стиль руководства, что оказалось принципиально важным фактором на промежуточных выборах 2010 г. Институт президентской власти при нём стал функционировать в режиме перманентной избирательной кампании, и сегодня в США в политический лексикон прочно вошел термин *permanent political campaign*.

Б. Обама, который блестяще провёл кампанию по избранию его на пост президента в 2008 г., не смог остановиться. Едва приступив к исполнению своих обязанностей 20 января 2009 г., он практически начал новый тур избирательной кампании. Не проходит и дня, чтобы президент в той или иной форме не обращался к нации – он ездит по стране, агитирует за свою программу, он постоянно в гуще народа, его сайт пестрит презентациями. Б. Обама апеллирует не к законодателям, а напрямую к американцам. Демократы, утверждает он, – партия народа. Это ноу-хау нынешнего президента вполне можно рассматривать как новую политтехнологию, которая органична для политического деятеля нового поколения. Она уже дала положительные результаты – он выиграл битву за пост президента, дойдя «до каждого своего избирателя» через Интернет, используя среди многочисленных волонтеров, свою харизму и умение общаться с избирателями. По логике, в эпоху бурно развивающихся коммуникационных технологий такой стиль президента должен был бы привести к положительным результатам и на этот раз. Однако этого не произошло.

Апелляция Б. Обамы к традиционным ценностям демократов, к «хижине дяди Тома» как собирательному образу всех униженных и оскорблённых, вызвала ответную реакцию его политических оппонентов, которые также провозгласили самоценность своих базовых постулатов. В ответ на призывы поддерживать масштабные планы правительства на фоне всеобщего кризиса возникает и быстро набирает обороты правоконсервативное движение «Чайная партия» с его классическим антистейтизмом, воплощённым в формуле «трёх нет» – нет налогам, нет расходам, нет дефициту, и убеждением, что «Америка сохранит своё величие, если и когда придёт осознание того, что правительство не может обеспечить процветание» [17]. К этому движению примыкают религиозные правые, а также, как это всегда бывает в массовых организационно не оформленных движениях, большое количество общественных потоков, заряженных

различного рода фобиями. Словно зеркальное отражение перманентной агитационной кампании президента, на федеральном небосклоне вновь возникают такие яркие и энергичные политические фигуры, как Сара Пейлин и ей подобные. Её консервативная идеология «попадает в цель». Так же как Б. Обама, она не может остановиться и продолжает свою избирательную кампанию: разъезжает по стране «со своей правдой», собирая под свои знамена недовольных правых. Под призывы Б. Обамы к единению страна идеологически распалась на две непримиримые части. Чем больше выступает и агитирует президент, тем больше он сплачивает своих противников. Перманентная кампания ужесточила двухпартийную конфронтацию, что в условиях политического засилья демократов логично – поскольку демократы тотально контролировали Вашингтон, то их оппоненты могли позволить себе выступать с оголтелой критикой, так как в этих условиях они не несли никакой ответственности и ничего не теряли. Это привело к разнузданной критике администрации и вылилось в многотысячные походы на Вашингтон, аналоги которым можно найти лишь в массовых протестных движениях 1960-х годов.

В логике развития любой политической кампании доминирует триада: личность – критика – обещания. Б. Обама, реализуя свою перманентную кампанию, вызвал огонь на себя. Его личность стала объектом нападок: его критикуют за отсутствие профессионализма, за неумение управлять и неправильно расставленные приоритеты. Однако во внутриполитической ситуации в США сегодня существует весьма значимый для состояния общества фактор, который чётко не артикулируется, но, тем не менее, в латентной форме даёт о себе знать – это расовый фактор. Опросы общественного мнения, касающиеся данной темы, очевидно, не отражают ситуацию в полном объёме, скорее они её камуфлируют. Десятилетиями усваиваемые уроки толерантности и политкорректности, ставшие отличительной чертой здорового состояния американского общества, все-таки проявляют себя: сегодня мало кто открыто говорит о роли расового фактора в формировании современной внутриполитической ситуации в США, разве что на уровне академических кругов [9]. Однако формулировки, которые запущены в массовое сознание, весьма однозначны: к власти пришли представители меньшинств, они стали диктовать свою волю большинству и менять лицо Америки. Вероятно, нельзя исключить того, что подобная ситуация – не только рефлексия определённой части общества на цветного президента, но также и реакция коренного американского населения на демографические сдвиги, которые сопровождаются и изменением базовых ценностей американского общества.

Из истории имперских или крупных государственных образований известно, что терпящие крах властные элиты подчас тянут за собой и сами империи. В Америке не добившиеся успеха президенты ослабляют позиции президентской власти, и поэтому возникает эффект качелей, который приводит к возрастанию роли законодательной власти за счёт исполнительной и наоборот. Самый наглядный пример этому – второе президентство Р. Никсона (1973–1974 гг.).

Однако в случае с Б. Обамой правоконсервативным силам удалось представить проблему таким образом, что Обама – это президент, который может «потащить за собой всю страну» в том смысле, что на ней можно будет поставить крест как на стране, в которой реально правит и определяет направление

развития белое большинство. Похоже, что значение расового фактора будет возрастать в ближайшие два года, поскольку правая пропаганда запущена на полную мощь.

Весьма симптоматично, что сегодня в серьёзных изданиях, в том числе и академических, поднимается вопрос о том, что Америка как цивилизация обязана своими успехами основной расе (*“core race”*) – белой расе, и если эту основу (стержень) вынуть из общественного организма, то дальнейшее существование американской цивилизации окажется под угрозой. Сам факт пребывания у власти Б. Обамы воспринимается влиятельной частью белого большинства как угроза исконным ценностям американской нации. Весьма характерно, что сегодня в Сенате нет ни одного представителя афроамериканцев. Роланд Баррис – единственный темнокожий сенатор – ушёл в отставку, и ни одному из троих темнокожих кандидатов от Демократической партии – Кендрику Мику, Элвину Грину и Майку Термонду – не удалось занять пост сенатора в результате прошедших выборов. Кстати, за всю историю Сената только шесть темнокожих представителей служили в его стенах – трое республиканцев и трое демократов, включая и самого Б. Обаму [17]. И феномен «Чайной партии», очевидно, свидетельство ревитализации основного цивилизационного инстинкта Америки.

Серьёзность этой тенденции сегодня пока не осознаётся в полной мере, однако США – глобальная держава: она посылает мощные импульсы в глобализирующийся мир, который сталкивается с аналогичными проблемами и также пытается решить их путём практического воплощения идей о «высших» и «низших» расах и национальностях. И от того, насколько Соединённым Штатам удастся справиться с принципиально новой для них внутривнутриполитической ситуацией, во многом зависит, в каком направлении пойдёт дальнейшее мировое развитие.

Кадры решают, если не всё, то очень многое

Экономика и безработица – определяющая тематика сегодняшней внутривнутриполитической жизни США. Все заявления, которые администрация сделала на этот счёт, показали, что она в полной мере осознаёт всю серьёзность положения на фронте экономической борьбы. В качестве самого первого шага администрация Обамы выдвинула план возрождения экономики и реинвестиций (*Job impact of American recovery and reinvestment plan*) стоимостью 787 млрд. долл. и официально объявила задачу увеличения занятости своим основным приоритетом. Она призвала общественность оценивать результативность её деятельности по эффективности экономической программы и количеству созданных рабочих мест. По сути, эта установка оказалось опасной для неё «репутационной провокацией».

Ответственность за стабилизацию рынка труда была возложена на председателя Экономического совета Кристину Ромер [2, с. 50–53], специалиста по экономической политике времён «Великой депрессии». Именно она ещё в январе 2009 г. спрогнозировала влияние этого плана на безработицу. План возрождения был широко растиражирован администрацией, которая заявила, что

к промежуточным выборам, ей удастся снизить безработицу до уровня менее 8%, или на 12 млн. человек, а в отсутствии плана, разработанного администрацией, она достигнет аж 10%, или 15 млн. человек.

Но администрация поймала себя в ловушку. Каждый месяц Белый дом отчитывался перед общественностью о состоянии дел, и накануне выборов статистические данные засвидетельствовали, что планы провалились – безработица выросла до 15 млн. человек. Стало ясно: главный специалист Б. Обамы, ответственный за состояние рынка труда К. Ромер ошиблась, причём серьёзно, на 3 млн. человек. Команда Б. Обамы, начав с 11 млн. безработных, пришла к промежуточным выборам 2010 г. с 15 млн. Политтехнологи говорят о большой ошибке. Администрация дала повод, блестяще использованный оппозицией, заявившей, что демократы в силу своей некомпетентности «выкинули на ветер» 787 млрд. долл. бюджетных денег.

И незадолго до выборов, в августе 2010 г., К. Ромер была «уволена за профнепригодность». 1 сентября в Национальном клубе печати она выступила с покаянной речью, заявив, что ошиблась в своих расчётах. Экономический совет, которым она руководила почти два года, в американских СМИ стали с сарказмом называть «Советом экономических блогеров», совершенно уже не контролирующих положение дел в экономике, пытающихся втолковать друг другу азбуку экономических знаний. И в этом оказался также повинен Белый дом, который в своём официальном информационном сообщении от 5 августа о причинах отставки К. Ромер, не нашёл ничего лучше, чем объяснить, что главный экономический советник Б. Обамы вынуждена вернуться в Калифорнию по причине того, что её младший сын в сентябре пойдёт в первый класс средней школы. Даже малозначимые на первый взгляд обстоятельства отставки К. Ромер служили наглядным примером того, что при Б. Обаме США превращаются в страну «третьего мира». Как неустанно намекали американские СМИ, подконтрольные правоконсервативным силам, если раньше американские президенты тянули, скажем, Кению к уровню США, то теперь они сами начинают опускаться до уровня этой африканской страны – предполагаемой родины Обамы.

Репутации Б. Обамы как политического топ-менеджера удары наносились ещё не раз. Его команда, куда входили и экономисты, рассыпалась буквально на глазах накануне выборов, пытаясь избежать «отчёта о проделанной работе». В июне-июле, когда проблема галопирующего бюджетного дефицита была у всех на слуху, ушёл директор АБУ Питер Орзаг [3, с. 49–50], человек, который напрямую отвечал за бюджет, бюджетную политику и уровень дефицита. В сентябре было объявлено об отставке ключевой фигуры в команде Б. Обамы – главного экономического советника, директора Национального экономического совета Лоуренса Саммерса [2, с. 39–43]. Все эти скандальные отставки лучше всяких слов говорили о провале экономического курса администрации Обамы.

Разбежавшаяся экономическая команда демократов дала серьёзный повод своим противникам утверждать, что демократы не только не могут руководить, но и сами организовать не в состоянии. Эти доводы были подкреплены ещё рядом отставок, что больно ударило по имиджу Б. Обамы, президентство которого вообще сопровождается непонятной кадровой чехардой.

Президент – Конгресс: старая проблема на новый лад

Эффективность деятельности президента США исторически в значительной степени предопределялась системой взаимоотношений, которую удавалось выстраивать двум ветвям власти. Казалось, что Б. Обама, получивший полностью контролируемый демократами Конгресс 111-го созыва, имел на редкость благоприятные условия для законотворчества. Однако уже осенью 2009 г. в Сенате открыто заговорили о тоталитаризме президента. Б. Обаму даже сравнивали с русским царем, упрекая в том, что он правит страной, игнорируя Сенат.

Здесь имелось в виду то обстоятельство, что для решения центральных политических задач Б. Обама пошел по пути назначения уполномоченных представителей, отвечающих непосредственно перед президентом, которые обходили обязательную процедуру утверждения Сенатом и с этой точки зрения не были подотчётны высшему законодательному органу. И всего таких назначенцев законодатели насчитали 18 человек [18, р. 4]. Например, в качестве главного экономиста администрации всегда выступал Саммерс, должность которого не подлежала утверждению Сената, и сам он ему фактически не был подотчётен, в то время как по традиции эта роль должна была быть отведена К. Ромер. Кризис в автомобильной промышленности разруливал юрист Р. Джоунс. Отчитывался он лично (и только) перед Б. Обамой, несмотря на то, что формально была создана президентская комиссия по автопрому, которая обязана была отчитываться и перед Конгрессом о своей деятельности. На афганском направлении основная роль принадлежала спецпредставителю президента – ныне покойному Р. Холбруку, и хотя на внешнеполитическом направлении это назначение не выглядело новацией, в совокупности все эти кадровые назначения в администрации расценивались общественным мнением «как явный перебор».

Почувствовав себя крайне уязвлённым, Сенат даже провёл специальные слушания, посвящённые данному вопросу. Б. Обама был обвинён в узурпации власти, нарушении баланса властных сил, а это основополагающий принцип конституционного устройства США. И, вероятно, здесь кроется подтекст тяжёлого прохождения в Сенате договора «ОСВ-3»; ведь, как традиционно считают законодатели, не важно какой договор, первичным является сохранение прерогатив Конгресса. За ратификацию договора президенту пришлось заплатить высокую цену, поскольку она явилась формой почти открытой и не скрываемой сделки между Белым домом и сенатским республиканским меньшинством: ратификация договора в обмен на продление положений налоговой реформы Дж. Буша, принятых в 2001 и 2003 гг. Наиболее политически взрывоопасным в этой реформе было снижение налогов на самые состоятельные слои американского населения, которые Обама твёрдо обещал отменить и в 2008, и в 2009 г. Эта уступка республиканцам была расценена многими как «предательство базовых положений идеологии» Демократической партии; она вызвала резкую критику в собственном лагере Б. Обамы, поставив под удар его отношения с руководством Демократической партии [4].

Прерогативы Конгресса – в частности Сената, были, по существу, проигнорированы и при прохождении через законодательный орган реформы здравоохранения, когда президент Обама применил свою собственную политтехнологию. Они были нарушены и в такой ключевой для законодателей сфере, как формирование и утверждение бюджетной заявки администрации на 2011 фин. г. В условиях, когда бюджет был у всех на слуху, администрация развалила бюджетный процесс – случай мог бы считаться беспрецедентным, если бы похожее не проделали республиканцы во главе с Н. Гингричем в 1995 г. В год выборов правая рука Б. Обамы в Конгрессе – спикер Палаты представителей Н. Пелоси объявила о том, что Палата не будет разрабатывать и принимать бюджетную резолюцию, что вызвало бурю негодования у республиканцев. Реально это означало, что бюджетный комитет Палаты представителей не подготовил проект совпадающей бюджетной резолюции, следовательно, комитет по ассигнованиям не смог рассчитать свой законопроект о сбалансировании ассигнований и, в свою очередь, профильные законодательные комитеты не получили возможности принять решения о финансировании конкретных программ федерального правительства.

Сенатский бюджетный комитет выполнил свою функцию – он подготовил бюджетную резолюцию, однако она не имела смысла, так как Палата представителей во главе с Н. Пелоси отказалась принимать совпадающую резолюцию. В результате к началу нового финансового года (1 октября 2010 г.) страна подошла без бюджета. И вся деятельность правительства вплоть до конца года стала финансироваться на основе пролонгирующей резолюции, по временной схеме, как и при Н. Гингриче, который в своей бюджетной войне с администрацией Клинтона прибегал и к прекращению финансирования деятельности правительства, и объявлял о его закрытии.

Все эти события, бесспорно, не могли не сказаться на результатах выборов. Они дали повод оппонентам президента говорить о его низкой способности руководить, неэффективности его правительства и слабой результативности работы демократов в Конгрессе. Республиканцы получили весомые аргументы, чтобы утверждать, что демократы, отказываясь выполнять свои прямые обязанности, традиционно демонстрируют неспособность управлять государством. Рейтинг работы демократического Конгресса накануне промежуточных выборов упал до чрезвычайно низкой отметки: 73% респондентов дали негативную оценку деятельности Конгресса 111-го созыва [6].

Победа республиканцев – конец эры Обамы?

В свете результатов промежуточных выборов и довольно резко изменившегося баланса сил в пользу Республиканской партии с заметным усилением в её составе крайне правых сил – их можно назвать республиканскими фундаменталистами, в США встаёт вопрос о перспективах внутривнутриполитической ситуации и политической судьбе администрации Б. Обамы. По формальным показателям расклад сил, сложившийся в результате выборов и двух лет пребывания демократов во власти, примерно соответствует ситуациям, в которых в своё время оказались Г. Трумэн в 1946 г., Р. Рейган в 1982 г. и У. Клинтон в

1994 г. Они так же, как президент Обама, «потеряли» свои конгрессы, однако это не помешало им переизбраться на второй срок и даже прослужить успешными президентами. Поэтому если здесь и уместны исторические аналогии, то они свидетельствуют скорее в пользу нынешнего президента.

Прошедшие выборы эксперты трактуют как референдум по Обаме. В своё время они, рассматривая промежуточные выборы 1994 г. как референдум по Клинтону, списали его со счетов в качестве политической фигуры с какими-либо шансами на переизбрание. Однако, как показали дальнейшие события, промежуточные выборы имели лишь корректирующий эффект по отношению к политике администрации, и Клинтону удалось довольно успешно справиться с ситуацией, в которой ему существенно помогла выправляющаяся экономика. В результате он был переизбран и вошёл в историю как один из успешных американских президентов, у которого больше заслуг, чем провалов. Опросы общественного мнения, проведённые в 2000 г., показали: большая часть респондентов считала, что этому президенту неплохо было бы переизбраться и на третий срок, если бы не положения Конституции США. По данным опросов, 55% респондентов положительно оценили Клинтона как политического деятеля. И сегодня семья Клинтонов рассматривается в качестве актива Демократической партии, и она политически чрезвычайно действенна. Исходя из этого исторического прецедента, сложившегося после промежуточных выборов, создавшуюся внутривластную ситуацию можно рассматривать как ещё не окончательно сформировавшуюся, в которой у Б. Обамы сохраняется политическая перспектива. Сейчас общество воспринимает его как президента рецессии. В этой связи не вызывает сомнений, что главным решающим союзником Б. Обамы должна стать растущая экономика.

Как это неоднократно бывало в прошлом, промежуточные выборы иногда могут рассматриваться не только с точки зрения восстановления равновесия партийной справедливости, но и как исторически переломные. Их эффект носит длительный характер при установлении неких долгосрочных тенденций.

В этом плане избирательную кампанию 2010 г. сравнивают с выборами 1954 и 1994 гг. Как известно, выборы 1954 г. предоставили в распоряжение демократов в той или иной конфигурации контроль над Конгрессом на несколько десятилетий, но не только. По сути, демократы вплоть до начала 1980-х годов задавали тон и формировали повестку дня. В 1994 г. республиканцы установили контроль над законодательной властью на 12 лет, и на фоне произошедшей корректировки соотношения межпартийных сил, сложившегося в результате выборов 1992 г., и все последующие годы они предпринимали мощные попытки навязать стране консервативные подходы во внутренней и внешней политике.

Прошедшие выборы с точки зрения развития тенденций, направленных на то, чтобы развернуть политический вектор, обозначенный президентом Обамой, в противоположном направлении, сравнивают с выборами 1954 и 1994 гг. ещё и потому, что Б. Обама качнул политический маятник слишком сильно влево. Общество оказалось не готово принять новые идейные установки администрации демократов, поэтому очевидно, что вслед за изменением соотношения сил во властных структурах должна последовать и корректировка идеологии развития. Встаёт однако вопрос, в какой мере.

Если вновь обратиться к историческим аналогиям, то, например, в 1994 г. в результате промежуточных выборов демократы потеряли полностью контроль над обеими палатами Конгресса, в то время как Б. Обама удалось сохранить контроль над Сенатом – по крайней мере, в части, касающейся способности заблокировать любые инициативы своих политических оппонентов. Своё место сохранил лидер большинства в Сенате Гари Рид, который провёл нетрадиционно жёсткую избирательную кампанию против Шэрон Энгл, представительницы «Чайной партии», объявив, что ей место в тюрьме или в сумасшедшем доме, но не в Сенате. Он победил с соотношением поданных голосов 51 : 44.

Всё-таки, ожидаемого полного разгрома демократов не случилось: республиканцам удалось завоевать только Палату представителей – более 60 выигранных ими мест, – однако полученные республиканцами 242 голоса все-таки не дают им 60% голосов, позволяющих не обращать внимания на вето президента. Этот инструмент остаётся в руках Б. Обамы, к которому он, кстати, пока не прибегал. Таким образом, у нынешнего президента есть рычаги, чтобы не допустить слишком резкого крена вправо или радикализации тех консервативных тенденций, которые проявились в стране в последние два года, по крайней мере, на уровне федеральной власти и законотворчества.

Сама тенденция, благоприятствовавшая республиканцам, проявилась неоднократно. Например, в Массачусетсе, где всего несколько месяцев назад на место сенатора-демократа Э. Кеннеди пришёл республиканец С. Браун, республиканцы не получили больше ни одного места в законодательном собрании штата и ни одного из десяти мест в Палате представителей. Демократы добились важных побед в Западной Вирджинии и Калифорнии, где они одержали две крупных победы – Дж. Браун заменил республиканца Шварценеггера, вернув себе губернаторский пост, который он покинул 30 лет назад, а также смогла переизбраться от этого штата сенатор-демократ Барбара Боксер. Обращает на себя внимание и то, что, казалось, популярный губернатор Шварценеггер так и не смог обеспечить своим сопартийцам ни одного законодательного места от этого штата. Таким образом, победа республиканцев не является тотальной, а результаты выборов с точки зрения оценки корректировки проводимого курса, возможно, имеют более узкое значение.

Перспективы влияния партий на формирование повестки дня в ближайшие два года зависят от такого, казалось бы, парадоксального с точки зрения результатов прошедших выборов показателя, как партийный имидж в глазах избирателей. Несмотря на то, что республиканцы завоевали большинство во всех демографических группах, за исключением афроамериканцев и молодежи, большинство американских избирателей негативно относятся как к демократам (53%), так и к республиканцам (52%) [6]. Из этого можно сделать вывод: итоги выборов скорее свидетельствуют о неприятии политического статус-кво, нежели демонстрируют доверие к Республиканской партии и поддержку её политико-экономического курса. Этот вывод подтверждают и данные, характеризующие выбор американцами приоритетных направлений деятельности правительства. Согласно опросам, 39% респондентов считают, что главным приоритетом деятельности нового Конгресса должно стать сокращение бюджетного дефицита, т.е. экономия бюджетных средств. В то же время

примерно такое же количество – 37% – высказывается за увеличение финансирования программ создания рабочих мест [6].

Тем не менее, в сложившихся условиях ясно, что администрации придётся столкнуться с трудностями при принятии ключевых законопроектов. Если исходить из прежнего опыта, то очевидно нарастание межпартийных конфронтационных тенденций. Подобных прецедентов в послевоенной истории отмечалось, как минимум, два, когда республиканцы получали контроль над Конгрессом, и это приводило к ситуации сплошной конфронтации и в результате – к законодательному тупику.

Так было после выборов 1946 г., когда республиканцы получили большинство в обеих палатах Конгресса 80-го созыва и использовали его для борьбы с демократической администрацией во главе с Г. Трумэнном, пытаясь выхолостить реформы Ф. Рузвельта. То же самое имело место в 1994–1996 гг. в Конгрессе 104-го созыва, когда республиканцы во главе с Н. Гингричем организовали буквально бюджетную осаду администрации Клинтона, заведя законодательный процесс в тупик, за что конгрессы этих двух созывов прочно закрепились в летописи как «конгрессы бездельников».

Похожей выглядит и нынешняя ситуация. Ожидаемый законодательный тупик, прежде всего, связан с тем, что стратеги Республиканской партии склоняются к тому, чтобы превратить ближайшие два года в политическую кампанию против президента с тем, чтобы ещё до начала предвыборной гонки 2012 г. решить её исход. Цель, провозглашённая республиканцами – Б. Обама должен стать президентом только одного срока.

В качестве задачи максимум ставится задача побудить Б. Обаму вообще отказаться от участия в выборах. Это сведёт к минимуму и шансы других кандидатов от Демократической партии сохранить своё присутствие в Белом доме, тем более что раскрученный кандидат Хиллари Клинтон уже заявила, что у неё нет президентских амбиций и пост госсекретаря она рассматривает как свой последний государственный пост.

Прецеденты подобного рода в послевоенной истории США имеются. Примером может служить отказ Л. Джонсона в 1968 г., в самый разгар вьетнамской войны, от участия в выборах. Всё это обернулось тем, что, хотя демократы и выдвинули своим кандидатом вице-президента Г. Хэмфри, он проиграл кандидату республиканцев Р. Никсону.

Сценарий ожесточённой политической конфронтации между республиканцами и демократами в ближайшие два года, как представляется, предопределён резко возросшим идеологическим фактором, который в американской политике на уровне президентских выборов практически не наблюдался на памяти нынешнего поколения избирателей (т.е. около 30 лет).

По мнению одного из ведущих политтехнологов Республиканской партии, более 60 голосов, полученных республиканцами в Палате представителей, раскладываются таким образом: 30 – за счёт экономического фактора, ещё 30 – за счёт идеологических приёмов, т.е. потому, что республиканцам удалось демонизировать образ президента, выставить его тоталитарным представителем этнического радикального меньшинства. Это позволило республиканцам в ориентированных на них СМИ изобразить Б. Обаму «коммунистом», «фаши-

стом», «исламским фундаменталистом», «агентом иностранных держав», «чужаком» в Белом доме. Такой приём сегодня – чрезвычайно действенный фактор, влияющий на массовое сознание [19].

Идеологическая поляризация общества фиксируется и службами, изучающими состояние общественного мнения, по данным которых, на 6% увеличилась поддержка демократов среди избирателей с либеральными взглядами (до 92%) и на 18% – поддержка республиканцев среди консервативных избирателей (до 86%) [21]. Среди сторонников «Чайной партии» 89% оппозиционно настроены к демократам и 88% поддерживают республиканцев. Работу президента в «большой степени одобряют» 94% демократов и «крайне не одобряют» 92% республиканцев [21]. На этих примерах видно, что наряду с межпартийной поляризацией произошла и идеологическая радикализация обеих партий.

Таким образом, в условиях перманентной межпартийной конфронтации все больше набирает обороты идеологическое противостояние, которое исключает прагматизм и сводит к минимуму политическое поле для манёвра. Отмеченные процессы оказываются разрушительными и для самой Демократической партии, так как включают центробежные силы. В такой ситуации политика становится до известной степени иррациональной.

* * *

Итоги выборов дают основание сделать вывод о том, что в настоящее время в США происходит определённая расстыковка экономической и политической систем. Экономическая система объективно требует рационального подхода и модернизационных прорывных (прогрессивных) решений, в то время как механизм функционирования политической системы всё в большей степени определяется идеологическими символами и стереотипами, значительная часть которых носит иррациональный характер, и заимствована из «славного американского прошлого».

Основные постулаты набирающей силу «Чайной партии», которая провозгласила возврат к истокам, к традиционным ценностям, – оживление право-консервативной идеологии, выстроенной на идеологемах прошлых эпох, – не соответствуют функциям современной системы. Возможно, всё ещё сохраняется представление о Б. Обаме как о магическом президенте, который найдёт «11-часовое решение» проблем, стоящих перед Америкой. На этом феномене несоответствия экономической и политической систем сегодня и спотыкается демократическая администрация и выпадающий из традиций американской политической культуры президент Обама.

Многочисленные исследования генезиса «Чайной партии» показывают, что правоконсервативные течения всегда были существенным сегментом американской политической жизни, и в настоящее время 41% респондентов заявляют, что положительно относятся к деятельности «Чайной партии» (включая 21% тех, кто очень её поддерживает), а 25% воспринимают её нейтрально [21]. Однако длительное время правоконсервативные силы существовали в латентной форме не только потому, что не воспринимались обществом, но в большей степени в силу того, что правящая элита США предпочитала держать эти силы на коротком поводке, чтобы не допускать разбалансировки политической

системы. Сами властные структуры служили гарантом того, что фундаментальные ценности американской государственности сохранятся в безопасности. И действительно, политическая система страны в последние десятилетия не совершала резких колебаний от центра.

Однако сегодня Б. Обама у власти воспринимается правоконсервативными силами как угроза американской демократии. И это мнение в той или иной форме муссируется на уровне общественного сознания. Более того, складывается впечатление, что на повестку дня политическими и идеологическими оппонентами Б. Обамы выдвигается не только решение тактической задачи – привести к краху его президентство, но речь идёт и о смещении центра американской политической жизни резко вправо.

Институт президентской власти – мощный и влиятельный инструмент, и президент США имеет возможность «играть одновременно на нескольких шахматных досках». Поэтому если патовая внутривнутриполитическая ситуация (её называют *gridlock*) станет устойчивым фактором внутривнутриполитической жизни ближайших лет, то не исключено, что президент задействует внешнеполитические рычаги, как это сделал в своё время президент Клинтон. После неудавшегося в феврале 1999 г. процесса импичмента, организованного республиканцами в Конгрессе США годом раньше, он в марте начал балканскую войну и бомбардировку Югославии. И эта война, как свидетельствовали многочисленные опросы, действительно способствовала росту его авторитета. Не исключено поэтому, что возможные сложности в решении внутривнутриполитических проблем администрация Обамы попытается уравновесить ужесточением своих внешнеполитических позиций и открытием новых фронтов борьбы «с врагами Америки».

Список литературы

1. Травкина Н.М. Выборы в США XXI века (демографический и расово-этнический факторы) // США ❖ Канада. 2009. № 2. С. 22–37.
2. Травкина Н.М. Ключевые фигуры экономической команды Б. Обамы // США ❖ Канада. 2009. № 6. С. 37–54.
3. Травкина Н.М. Особенности современной демографической ситуации в США / США: ключевые сферы и направления социальной политики. М.: ИСКРАН, 2008. 145 с.
4. Baker P. Making of a Treaty: Obama's Gamble // International Herald Tribune, 24–25–26.12.2010. P. 4.
5. Benson G. Republicans Pick up 680 Seats at State Level (<http://townhall.com/tipsheet/GuyBenson/2010/11/04>).
6. A Clear Rejection of the Status Quo, No Consensus about Future Policies. Pew Research Center Publications. 3.11.2010 (<http://pewresearch.org/pubs/1789/2010-midterm-elections-exit-poll-analysis>).
7. Eisler P. Solution-driven Voters 'Upset the Apple Cart' in House // USA Today. 4.11.2010 (http://www.usatoday.com/news/politics/2010-11-03-house-wrap_N.htm).
8. Galston W. The 2010 Midterm Elections Were About Ideology. 4.11.2010 (<http://www.brookings.edu/opinions/2010/1104>).

9. *Haney-Lopez I.* Post-Racial Racism: Policing Race in the Age of Obama. UC Berkeley School of Law. 18.01.2010 (<http://papers.ssrn.com/so13/papers>).
10. House of Representatives Big Board – Election Results 2008 (<http://elections.nytimes.com/2008/results/house/votes.html>).
11. Little Progress Seen on Major Domestic Issues. 15.12.2010. The Pew Research Center for People & the Press (<http://people-press.org>).
12. *Mann T.* American Politics on the Eve of the Midterm Elections. Brookings Papers. 19.11.2010 (http://www.brookings.edu/articles/2010/11_midterm_elections_mann.aspx).
13. Obama and Democrats' Health Care Plan (http://www.realclearpolitics.com/epolls/other/obama_and_democrats_health_care_plan).
14. Office of the Clerk. U.S. House of Representatives. Congressional Profile (http://clerk.house.gov/member_congressional).
15. *Page S.* Obama Coalition Frays Amid Voter Angst // USA Today. 3.11.2010 (http://www.usatoday.com/news/politics/2010-11-03-Analysis_N.htm).
16. *Shoichet K.* and *Ford D.* Democrats Cling to Control of Senate, CNN Projects. 3.11.2010 (<http://edition.cnn.com/2010/POLITICS/11/03/election.senate/>).
17. Statement of Senator Susan M. Collins. Hearing on «Presidential Advice and Senate Consent: The Past, Present, and Future of Policy Czars» before the Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. U.S. Senate. 22.10.2009. 8 p.
18. Taking Stock: What the Election Means for Bipartisanship. 9.11.2010. Video. Bipartisanship Policy Center (<http://www.bipartisanpolicy.org>).
19. The Latino Vote in the 2010 Elections. Pew Hispanic Center. 3.11.2010 (<http://pewresearch.org/pubs/1790/2010-midterm-elections-exit-poll-hispanic-vote>).
20. The New York Times. Election 2010. House Exit Polls (<http://elections.nytimes.com/2010/results/house/exit-polls>).
21. 2010 House Final Results (http://www.realclearpolitics.com/epolls/2010/house/2010_elections_house_map_final).
22. 2010 Senate Final Results (http://www.realclearpolitics.com/epolls/2010/senate/2010_elections_senate_map_final).
23. USA Today. Politics. 2010 Elections: Life Results (<http://www.usatoday.com/news/politics/default.htm?refresh=1>).